

Рациональность конверсии: о применении теории Роберта Хортона к исследованию обращения коренных малочисленных народов России в христианство

ПОПЛАВСКИЙ РОМАН ОЛЕГОВИЧ
ИПОС ТюмНЦ СО РАН (Тюмень), Россия
e-mail: roman.poplavskiy@gmail.com

Следуя за общемировыми тенденциями, в течение последних нескольких лет российские исследователи религии всё чаще обращаются к такому предмету изучения как конверсия. Этому способствует как богатый материал, наработанный исторической наукой, так и современные полевые исследования, проводимые в различных регионах России среди различных групп населения. Помимо эмпирических результатов, появляются и новые теоретические обобщения, и наряду с концепциями конверсии иностранных авторов (см. например: [Rambo and Farhadian, 1999; Flinn, 1999]) отечественная наука обогащается и собственными теоретическими разработками (см. например: [Буланова, 2014, с. 146-148; Poplavsky, Klyueva, 2017]).

В данной статье автор ставит целью представить теорию конверсии Роберта Хортона, которая пока не обратила на себя должного внимания со стороны российских исследователей, при том что она может найти своё применение в такой актуальной и недостаточно изученной сфере как переход представителей коренных народов России от традиционных верований к христианству.

Впервые Р. Хортон сформулировал положения теории в третьей части своей обзорной статьи «Конверсия в Африке» о пятидесятнических церквях «Аладура» в Нигерии [Horton, 1971, p. 101-107]. Основной задачей, которую исследователь при этом ставил перед собой, было выяснение «причин конверсии из ‘традиционных’ в ‘мировые’ религии» [Там же, с. 85]. За исходную точку автор берёт так называемую «типичную традиционную космологию» [Там же, с. 101], в которой выделяются две части: микрокосм (мир в границах общины) и макрокосм (мир за пределами общины). При этом за происходящее в микрокосме ответственность несут «малые духи», а за происходящее в макрокосме – «высшее существо» [Там же]. Из данной структуры мира, по мысли исследователя, следует, что чем дальше человек выходит за рамки традиционной общины и чем чаще сталкивается с реалиями окружающего современного мира (торговля на большие расстояния, ведения бизнеса, технологии), тем большую важность для него приобретает «высшее существо», а «малые духи» отступают на второй план [Там же, с. 103]. В своей более поздней работе Р. Хортон приводит ряд примеров, иллюстрирующих данный тезис [Horton, 1975, p. 225-234], а также проводит различие между нецентрализованными обществами, в которых все его члены находятся в равном положении в плане пересечения границы микрокосм-макркосм, и централизованными обществами, в которых управленческая верхушка демонстрирует большую вовлечённость в макрокосм, следовательно, поклонение «высшему существу» среди них распространено больше, чем среди остального населения [Там же, с. 226].

Вернёмся к основному тезису Р. Хортона, озвученному выше. По мысли исследователя, этот тезис «сводит ислам и христианство к роли катализатора», подтолкнувшего сообщество к переменам, которые в нём и так уже происходили в связи с повышением значимости макрокосма [Там же, с. 104]. Если применить этот тезис Роберта Хортона к деятельности христианских миссий на территории Сибири, то можно сказать, что православие той эпохи и протестантизм в постсоветское время виделись коренным представителям этих территорий «как часть более высокого порядка, включая <...> образование, <...> управление, торговлю и промышленность <...>. Эти изменения создали более благоприятный климат для конверсии [Цит. по: Nunn, 2010, p. 147].

На основе анализа исследований, посвящённых коренному населению различных территорий Сибири, можно утверждать, что некоторые случаи свидетельствуют о возможности применения тезиса Р. Хортона о конверсии как «... результате трансформации микрокосма в макрокосм» [Pelkmans, 2009, с. 8]. Например, Л. Валликиви в своей работе об обращении в баптизм ненцев из общины «Ямб-То», небольшой кочевой группы в Ненецком автономном округе, утверждает, что капиталистические изменения, произошедшие в постсоветской России, привели к тому, что для местного населения оказались привлекательными новые навыки (грамотность, хорошее знание и беглое общение на русском языке, торговля), идеи (быть частью более крупного сообщества) и разнообразные современные технологии (например, мотосани) – всё то, что распространяли и пропагандировали российские миссионеры-христиане [Vallikivi, 2009, p. 59-60]. Автор также делает интересный вывод, который хорошо вписывается в теорию Хортона: Л. Валликиви отмечает, что ненцы стали так восприимчивы к идеям баптистов, потому что обе группы имели общее прошлое: они подвергались гонениям в Советский период, и этот знакомый обоим группам опыт «поспособствовал успеху конверсионной программы» [Там же, с. 60].

Разделяя мир на микрокосм и макрокосм и определяя успех христианства и ислама большей вовлечённостью традиционного общества в последний, Роберт Хортон, тем не менее, не столь категоричен, утверждая, что верования и практики мировых религий «принимаются только тогда, когда они совпадают с ответами традиционной космологии на другие, немиссионерские, факторы современной ситуации» [Horton, 1971, p. 104]. Таким образом, можно говорить о селективном подходе традиционного общества к принятию тех или иных объяснительных моделей ислама и христианства [Horton, 1975, p. 220].

Среди проведённых в России исследований мы находим подтверждение и этому тезису. Так, В.И. Софронов справедливо отмечает, что у северных народов «не было потребности в обучении собственных детей, для которых грамота была практически не нужна, и в результате пребывания в миссионерской школе дети не могли помогать своим семьям и забывали навыки, необходимые им в практической жизни в лесу или тундре. Те единичные случаи, когда кто-то из инородцев принимал крещение, могли быть легко объяснены или приобретением каких-либо материальных благ, или налаживанием (главным образом старейшин) контактов с местным начальством, то есть определенным повышением их социального статуса» [Софронов, 2005, с. 114-115]. Далее В.И. Софронов рассуждает в ключе, подтверждающем тезис Р. Хортона о рациональном выборе обращаемого: «В целом же население обширного края не было готово к принятию христианства, и что-то измениться в данной ситуации могло лишь с приходом иных условий в их жизни» [Там же, с. 115]. Сходную ситуацию описывает Г.С. Мавлютова [Мавлютова, 2001, с. 131].

Исследователи также отмечают, что присоединение территорий за Уралом поро-

дило страх, потому что местное население считало, что посредством крещения сильные «русские всю землю отберут» [Николаев, 2009, с. 218]. Некоторые отказывались принимать христианство, предпочитая хранить веру предков; в некоторых случаях авторитет шамана превосходил влияние русских. Кроме того, «принятие православия нередко носило фиктивный характер, не изменяя традиционного уклада жизни аборигена» [Там же]. И.И. Юрганова отмечает, что «в понимании якутского обывателя конца XVII в. вступление в православие воспринималось и как рабство» [Юрганова, 2017, с. 225]. Аналогичным образом, некоторые случаи, описанные в литературе на основе современных данных, демонстрируют, что распространение христианства среди коренных народов России привело к более тщательному развитию их микрокосма, что нашло своё отражение в «альтернативной стратегии народных возрожденческих движений, наряду с более политизированным активизмом коренных народов, основанном на возрождении старых традиционных практик» [Vagramenko, 2017, p. 226]. Опираясь на описываемую в работе теорию, мы можем предположить, что данные случаи могут быть объяснены нежеланием отдельных сообществ выходить из рамок своего микрокосма, что выражается в противостоянии макрокосму и, как следствие, «верховному существу», весть о котором несут миссионеры.

Отметим, однако, и то, в чём мы не согласны с Р. Хортоном: представляется, что он недооценил роль миссионеров, делая вывод на африканском материале о том, что «принятие ислама или христианства являлось, скорее, следствием развития традиционной космологии в ответ на характеристики современной ситуации, чем следствием деятельности миссионеров» [Horton, 1971, p. 103]. Насколько мы можем судить по другим исследованиям, постоянный контакт с миссионерами был очень важен во время распространения христианства в Сибири: когда в конце XVIII в. миссионерская деятельность среди коренных малочисленных народов России была временно запрещена, «большая часть новокрещённых вернулись к традиционным верованиям» [Николаев, 2009, с. 213-214]. Кроме того, миссионерская деятельность, проводимая разными христианскими традициями (православие, протестантизм) на одной и той же территории может приводить к разным результатам, и мы согласны с Л. Валликиви в том, что это объясняется «различиями в используемой миссионерской стратегии и способах конверсии» [Vallikivi, 2009, p. 63]. Во время полевой работы в Ханты-Мансийском автономном округе также были найдены свидетельства важной роли миссионеров, один из которых сказал в интервью: «Чтобы работать с хантами, сначала надо установить очень доверительные отношения с ними. Это не день, не два, не раз посидел чай попил, не два раза посидел чай попил. На это уходят годы» [Клюева, 2012, с. 135].

Таким образом, теория Роберта Хортона, дополненная анализом конкретных миссионерских методов и стратегий обращения является, на наш взгляд, плодотворной основой для исследования конверсии коренных малочисленных народов России в христианство.

Список источников и литературы:

- Буланова И.С. Специфика религиозности в зависимости от типа религиозной конверсии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 1. С. 146-155.
- Клюева В. Распространение протестантизма у коренных малочисленных народов (на примере хантов-пятидесятников) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4. С. 133-141.
- Клюева В.П., Поплавский Р.О., Бобров И.В. Пятидесятники в Югре (на примере общин РО ЦХВЕ ХМАО). СПб.: Издательство РХГА, 2013. 256 с.

- Мавлютова Г.С. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2001.
- Николаев В.В. Христианизация коренного населения предгорий Северного Алтая // Народы и религии Евразии. 2009. №3. С. 210-220.
- Софронов В.И. Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Западной Сибири (конец XVII – начало XX вв.). Тобольск: Издательство Тобольского государственного педагогического института, 2005. 144 с.
- Юрганова И.И. Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность (XVII – нач. XX вв.). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук [рукопись]. Иркутск, 2017. 460 с.
- Flinn F.K. Conversion: Up from Evangelicalism or the Pentecostal and Charismatic Experience // Religious Conversion. Contemporary Practices and Controversies / Ed. by M. Darrol Bryant and C. Lamb. London: Cassell, 1999. P. 51-72.
- Horton R. African Conversion // Africa: Journal of the International African Institute. 1971. Vol. 41. No. 2. P. 85-108.
- Horton R. On the rationality of conversion. Part I // Africa: Journal of the International African Institute. 1975. Vol. 45. No. 3. P. 219-235.
- Nunn N. Religious Conversion in Colonial Africa // American Economic Review: Papers and Proceedings 2010. No. 100. С. 147–152.
- Pelkmans M. Introduction: Post-Soviet Space and the Unexpected Turns of Religious Life // Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms and Technologies of Faith in the Former Soviet Union / Ed. by M. Pelkmans. New York: Berghahn Books, 2009. P. 1-16.
- Poplavsky R., Klyueva V. From an encounter with God to a life with God // Pentecostudies. 2017. Vol. 16. No. 2. P. 178-201.
- Rambo R.L., Farhadian C.E. Converting: stages of religious change // Religious Conversion. Contemporary Practices and Controversies / Ed. by M. Darrol Bryant and C. Lamb. London: Cassell, 1999. P. 23-34.
- Vagramenko T. Indigeneity and Religious Conversion in Siberia: Nenets ‘Eluding’ Culture and Indigenous Revitalization” // Marginalised and Endangered Worldviews: Comparative Studies on Contemporary Eurasia, India and South America / Ed. by L. Guzy and J. Kapalo. Hamburg: Lit Verlag, 2017. P. 207-229.
- Vallikivi L. Christianization of Worlds and Selves: Nenets Reindeer Herders Joining the State through Conversion // Conversion after Socialism: Disruptions, Modernisms and Technologies of Faith in the Former Soviet Union / Ed. by M. Pelkmans. New York: Berghahn Books, 2009. P. 59-84.